

РОНИ

МЕЛАНΙΑ ВЯЗЕМСКАЯ

Она не знала, что касатки не приходят просто так.
Они приходят, чтобы спасти тех, кого никто не видит

Мелания Вяземская

Рони

<https://litres.ru/74163247>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рони спит на диване, который служит кроватью, и игровой, и столом для уроков, если подвинуть подушки. Отец умер. Мать сдаётся. В школе её называют овощем и снимают на телефон в туалете. Однажды она садится в старую лодку и отталкивается от берега. Море забирает её — но не так, как она планировала. Касатки принимают её в стаю.

Содержание

Глава 1. Та, кого не слышно	4
Глава 2. День, когда сломалась кукла	8
Глава 3. Тот, кто не спросил «зачем?»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мелания Вяземская

Рони

Глава 1. Та, кого не слышно

Рони проснулась от того, что кто-то дышал ей в лицо.

Мокро, тепло, с запахом вчерашнего супа. Она не открывала глаза - узнала. Это был Витя, младший. Ему было полтора года, и он не умел говорить «проснись». Он просто тыкался носом в её щёку, пока она не начинала шевелиться.

- Тихо, - прошептала Рони, беря его на руки. - Тихо, маленький.

За тонкой фанерной стенкой храпел старший брат Саша. Ему было двенадцать, и он спал в позе звезды, раскинув ноги на полтора матраса. Рядом, в углу на раскладушке, сестра Даша крутилась во сне, наматывая волосы на палец - так она делала, даже когда бодрствовала, будто пыталась вытянуть из себя что-то важное, но никак не могла дотянуться.

Четыре ребёнка. Две комнаты. Одна мать.

Рони спустила ноги с дивана - того самого, который был и кроватью, и игровой, и столом для уроков, если подвинуть подушки. Пол был холодным. Всегда холодным. Даже в июле. Потому что дом стоял на сваях, а под полом гулял

ветер с залива. Отец говорил: «Это не холод, это наш кондиционер». Отец вообще много чего говорил.

Отец умер в октябре.

Рони не помнила числа. Она помнила другое - как мать стояла в прихожей, держа в руках конверт. Сначала Рони подумала, что это письмо от папы. Папа писал редко, но всегда длинно, с буквой «ять» в конце приветствия, потому что так его научил его дед, а деда - его дед, и это было такое семейное, дурацкое, тёплое.

Но мать не открыла конверт. Она села прямо на пол, в куртке, не сняв обуви, и сказала:

- Его больше нет.

Саша заплакал. Даша спросила: «А кто будет кормить кота?» Витя спал. А Рони...

Рони вышла на крыльцо и села на ступеньку. Ей было восемь. Она смотрела на небо и ждала, что сейчас оно треснет, как яйцо, и оттуда выпадет что-то новое. Другое. Не такое, где нет папы.

Небо не треснуло.

Прошло три года. Рони было одиннадцать, почти двенадцать. Тело её вытянулось, сделалось неловким, как у жеребёнка, которого забыли научить ходить. Волосы висели соломой - мать стригла всех одной машинкой раз в месяц, потому что так дешевле. Но Рони отращивала. Она тайком, по ночам, расчёсывала их пальцами и плела косички, представляя, что это водоросли, а она русалка.

Только русалок, кажется, никто не любил.

- Рони! - голос матери звучал с кухни. Не громко - у матери уже не было сил на громкость. Это была усталость, поданная как команда. - Воды набери, картошку чисть, Витьку покорми.

Она сказала это одним предложением. Без запятых. Без пауз.

Рони послушалась. Она всегда слушалась. Это было её сверхспособностью - быть незаметной, удобной, резиновой. Саша мог ударить - она молчала. Даша могла взять её тетрадку и вырвать лист - Рони переписывала. Мать могла забыть покормить её ужином - Рони делала вид, что не голодна.

Но сегодня было что-то другое.

Сегодня, когда она наливала воду в чайник (руки тряслись, потому что не ела с обеда), она вдруг посмотрела в окно.

Там, за мутным стеклом, была дорога. Пыльная, серая, с ямами. А в конце дороги - пирс.

Раньше она туда ходила с папой. Он показывал ей медуз и говорил, что море - это матка Земли. «Оттуда всё вышло, туда всё вернётся. Не бойся, Рони. Море помнит каждого, кто в него смотрел».

- Мам, я пойду гулять, - сказала она.

- Иди, - ответила мать, не оборачиваясь.

Она не спросила: «С кем?», не сказала: «Вернись вовремя». Рони могла раствориться - и никто бы не заметил.

Только Витя. Он протянул к ней мокрые ручонки и сказал своё «ды-ды-ды», что означало «иди сюда». Но Рони уже выходила.

На улице пахло солью и рыбой. И свободой. Такой свободой, от которой кружится голова и делается страшно.

«Я сейчас вернусь, - подумала она. - Я только посмотрю на воду. Я только вспомню папу».

Глава 2. День, когда сломалась кукла

Рони не спала этой ночью. Она лежала на диване и смотрела в потолок. Там, в углу, расплзлось сырое пятно - оно было похоже на карту неведомой страны. Рони назвала её Тишиния. В Тишинии не было мам, которые забывают, и одноклассниц, которые шепчутся за спиной.

- Рони! - голос матери прозвучал как удар поварёшки о кастрюлю. - Ты проспишь! Встала быстро!

Она не спала. Послушно встала. Как всегда.

На завтрак - пустая каша. Без масла, без сахара, без смысла. Саша пихнул её локтем, когда тянулся за хлебом, и не извинился. Даша красила ногти зелёным фломастером и делала вид, что Рони - мебель.

- Ты чего не ешь? - спросила мать, не глядя.

- Не голодна, - соврала Рони.

Мать кивнула и ушла переодевать Витю.

Рони выскребла кашу в ведро. Тихо. Чтобы не услышали.

В школе было хуже, чем дома.

Потому что дома хотя бы Витя любил её без условий. А здесь

- Смотрите, воскресная мама пришла! - заржал Глеб Те-

рехов, когда Рони вошла в класс. - Без папы, зато с дырой на колготках.

Девочки захихикали. Учительница, Марья Ивановна, подняла глаза от журнала и сказала:

- Терехов, сядь. Литвинова, дневник на стол.

Она не защитила. Она никогда не защищала. Потому что «разбираться» - это писать объяснительные, а «не разбираться» - это просто пережить пять минут до звонка.

Рони выучила эту формулу. И переживала. Уже три года.

На большой перемене её загнали в туалет. Четыре девочки из параллельного класса. Они не били - это было слишком примитивно. Они снимали её на телефон.

- Скажи, что ты нищая, - сказала Алина, та, с идеальными локонами. - Скажи, что твоя мать алкашка. Скажи, что ты нас боишься.

Рони молчала. Она смотрела в кафельную стену и уходила внутрь. Туда, где море. Где папа держит её за руку и говорит: «Ты - мой китёнок. Самый сильный».

- Да она овощ, - плюнула одна из девчонок. - Бесполезно.

Видео они всё равно куда-то отправили. Рони узнает об этом через два часа, когда в её сторону будут показывать пальцами.

В столовой пахло варёной капустой и предательством.

Рони стояла в очереди. У неё было десять рублей - мелочь, которую она нашла в кармане маминого пальто. На десять рублей можно было купить булку. Можно было.

- Литвинова, а ты почему без отца? - спросил мальчишка из старших, подходя слишком близко. - В анкете сказано: есть оба. А у тебя, блин, только один. Ты ненастоящая, что ли?

Кто-то засмеялся. Кто-то сказал «отвалите». Но никто не подошёл. Никто не взял за руку.

Рони взяла булку. Разломил пополам. Одну половину сунула в карман - для Вити. Вторую разжевала, не чувствуя вкуса.

Вкус был - слёзы. Но она не плакала. Плакать в школе было нельзя. Плакать значило проиграть.

Последний урок был рисование.

Тема: «Моя семья».

Рони рисовала долго. Она изобразила маму - с большими уставшими глазами. Папу - только контуром, потому что не помнила лица, только запах. Сашу, Дашу, Витю. И себя - с краю, полупрозрачную.

- Литвинова, почему ты не в цвете? - спросила учительница, проходя мимо.

Рони не ответила. Но хотела сказать: «Потому что меня не видно. И если меня не видно, то меня не могут ударить».

- Переделай к следующему разу, - бросила учительница и поставила тройку.

Рони смотрела на свой рисунок. Там, в углу, она нарисовала маленькую лодку. Белым карандашом по белому листу - неразлично.

«Я хочу в лодку», - подумала она. - «Я хочу, чтобы вода закрыла меня с головой. И чтобы стало тихо».

Домой она шла медленно. Очень медленно. Мимо магазина «Продукты», мимо трансформаторной будки, мимо лающей собаки, привязанной к забору.

Когда открыла дверь, мать сидела на кухне и плакала в тряпку.

- Что случилось? - спросила Рони, чувствуя, как внутри всё сжимается.

- Свет отключили, - прошептала мать. - Задолжали. И на мясо нет. И на хлеб почти нет. Рони я не справляюсь.

Это были слова, которых Рони боялась больше всего. Я не справляюсь. Потому что это значило: ты, Рони, теперь должна справиться за двоих. И за троих. И за всех.

- Я помогу, - сказала Рони пустым голосом.

- Как ты поможешь, девочка? - всхлипнула мать. - Ты и сама-то худая как щепка. Иди, Витьку покорми. Он полдня плачет.

Рони достала из кармана половину булки. Витя обрадовался. А Рони смотрела в окно.

Там, в конце дороги, был пирс.

И море.

И тишина.

В девять вечера, когда Саша ушёл к друзьям, Даша наушники вкрутила в уши, а мать уснула над стиркой, Рони надела папину старую куртку. Она была слишком велика для нее.

И пахла мазутом и табаком.

- Ды-ды-ды? - спросил Витя с кровати.

- Я скоро, - прошептала Рони. - Я только подышу. Я вернусь. Обещаю.

Она не знала, что никогда не нарушая обещаний, именно это она нарушит.

Дверь скрипнула. Луна была полной - жёлтой, как старая кость. Дорога к пирсу заняла пятнадцать минут. Рони шла босиком - так она чувствовала каждую щепку, каждый камешек, каждую преграду.

«Я не вернусь, - вдруг поняла она, переступая через ржавую цепь у причала. - Я больше не вернусь туда, где меня не видят».

Пирс был пуст. И лодка была.

Маленькая, старая, деревянная. С надписью «Мечта», выведенной детской рукой.

Рони залезла в лодку и легла на дно.

Она лежала на дне лодки и смотрела на звёзды. И впервые за три года - разрешила себе заплакать.

«Папа, забери меня отсюда», - шептали её губы.

Но ответило море.

Молчанием.

Глава 3. Тот, кто не спросил «зачем?»

Рони уже почти отвязала лодку, когда услышала шаги.

Она замерла. Сердце ухнуло вниз, в живот, и забилося где-то между рёбрами - испуганной птицей. Сейчас. Сейчас её вернут. Скажут: «Ты глупая, домой, быстро». И всё начнётся заново.

Но шаги были медленные, шаркающие.

Из темноты вышел старик. Очень старый. С удочкой, с рваной сеткой в руках, в телогрейке, пахнущей мокрой собакой. Он посмотрел на Рони - и улыбнулся беззубым ртом.

- Холодно, - сказал он. - Ты бы шапку надела.

Она молчала. Он не настаивал.

Старик сел на край пирса, свесил ноги в воду. Достал из кармана половинку яблока - уже потемневшую на срезе - и протянул Рони.

- На. Я не голоден.

Рони взяла. Пожевала. Яблоко было кислым, но таким настоящим, что захотелось плакать.

- Ты куда собралась, маленькая? - спросил он, кивая на лодку.

- Домой, - сказала Рони.

- Там разве дом? - удивился старик.

Она посмотрела на берег. На чёрные остовы домов, на тусклый свет от свечи в одном-единственном окне (мать, наверное, проснулась стирать дальше). На трубы, на собак, на сушилки с бельём, которое никто никогда не снимал вовремя.

- Не знаю, - прошептала она.

Старик молчал долго. Так долго, что Рони подумала - он уснул с открытыми глазами. Но он не спал.

- У меня дочь была, - сказал он вдруг. - Тоже убежала. В пятнадцать. Сказала, что задыхается. Я её догнать хотел, а она мне: «Пап, ты же сам знаешь, как это - когда воздух не твой». Я её не держал.

Рони втянула голову в плечи.

- Она вернулась?

Старик посмотрел на небо. На луну. На воду.

- Нет, - сказал он. - Я жду до сих пор. Уж десять лет жду.

Он, кряхтя, поднялся. Закинул удочку на плечо. Не глядя на Рони, протянул руку и что-то положил на край лодки.

- Это счастье, - сказал он. - Мне уже не нужно.

Повернулся и ушёл. Шаркающими шагами. Не оборачиваясь. Так, как будто видел её в последний раз и хотел запомнить.

Рони посмотрела на подарок.

Маленькая ракушка. Витком, закрученным внутрь себя. Приложила к уху - море шумело. Или не море. Или кровь. Или время.

Она сунула ракушку в карман папиной куртки.

Отвязала лодку.

Оттолкнулась.

И не обернулась.

Вёсла - слишком тяжёлые. Вода - слишком чёрная. Берег - слишком далёкий уже через пять минут.

Рони гребла, пока руки не заныли. А потом бросила. Лодка сама пошла по течению - туда, где горизонт сливался с небом и нельзя было понять, где верх, где низ, где начало, где конец.

Она лежала на дне. Смотрела на звёзды.

«Полярная звезда, - подумала она. - Папа показывал. Если заблудишься - ищи её. Она не двигается. Она как якорь».

Но Рони не хотела якоря. Она хотела плыть. Плыть до тех пор, пока лодка не превратится в щепку, а щепка - в воспоминание.

Вода плескалась о борта. Ритмично. Убаюкивающе.

«Тук-тук, - говорила вода. - Ты ещё жива?»

- Жива, - шептала Рони.

«А зачем?»

Она не знала ответа.

Рони замёрзла так, что зубы выбивали дробь, даже когда она сжала челюсти. Куртка отца была большой, но тонкой. Джинсы промокли снизу - вода сочилась через щели в днище.

Она попробовала заснуть. Не вышло.

Ей казалось, что кто-то смотрит на неё из воды. Не страшный. Просто... внимательный. Рыба? Нет, рыбы спят. Или нет? Она не помнила.

К утру голод стал острым, как лезвие. Рони вспомнила половину булки, которую отдала Вите. И другую половину, которую съела сама. И кашу, которую выбросила в ведро.

- Дура, - прошептала она себе. - Дура, дура, дура.

Но злость была не на голод. Злость была на то, что даже здесь, в море, одна, она всё ещё думала о них. О матери, которая не справится. О Вите, который будет искать её пальцами по утрам. О старике с ракушкой.

«Я не вернусь, - сказала она себе твёрдо. - Я не могу вернуться. Там меня нет. А здесь... здесь я хотя бы исчезаю не по кусочкам, а целиком».

Лодка качнулась сильнее. Ветер подул с другой стороны.

Рони села.

Вокруг была вода. Вода до горизонта. Вода, как небо, как прошлое, как будущее.

И никого.

Только чайка где-то далеко. И солнце, встающее из воды красным, больным глазом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.